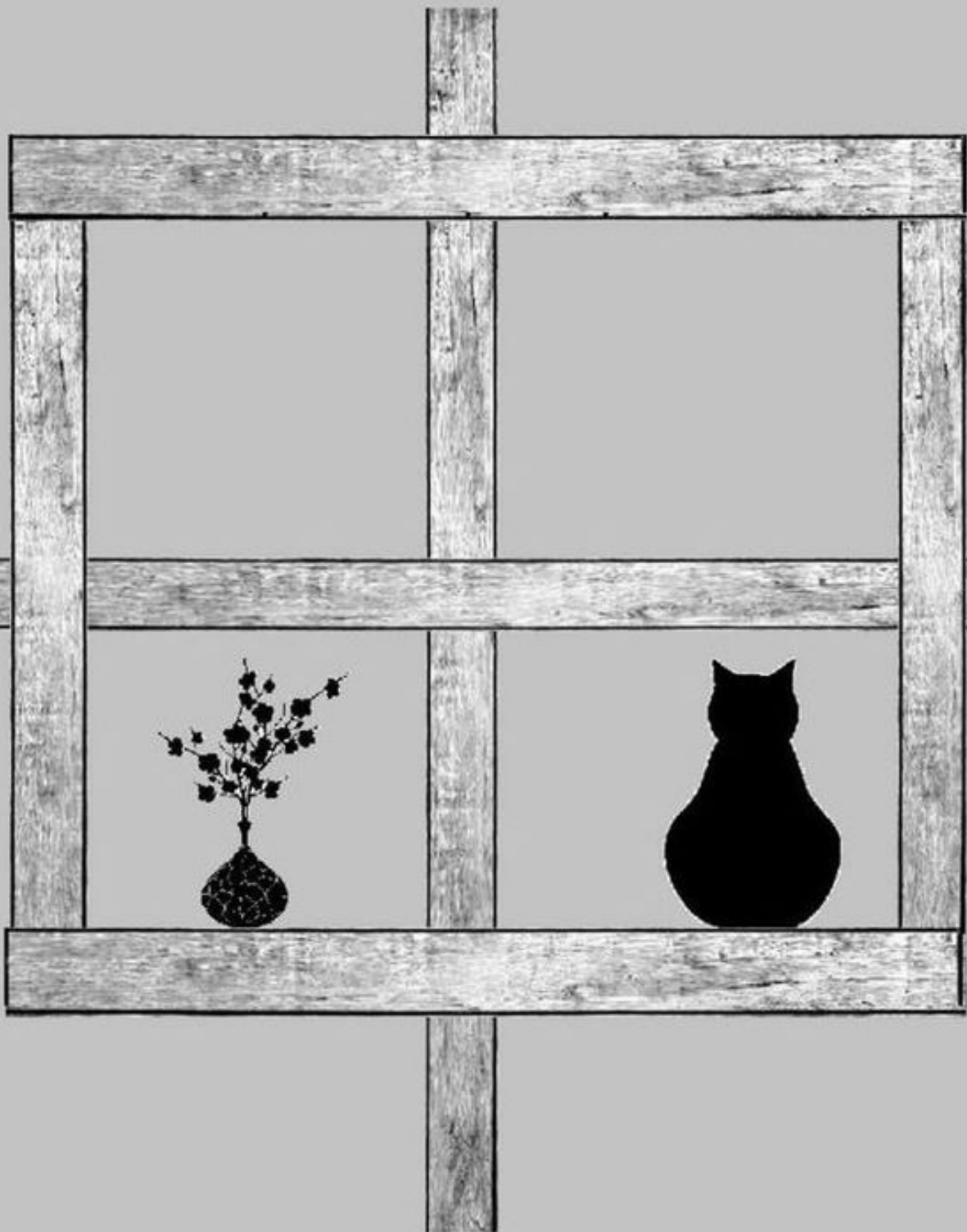

18+

Почему я выпрыгнул в окно?

Антон Романовский

АНТОН РОМАНОВСКИЙ

Почему я выпрыгнул в окно?

«Издательские решения»

Романовский А. В.

Почему я выпрыгнул в окно? / А. В. Романовский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503325-3

Книга повествует о молодом человеке, больном шизофренией. В ней описан один день из его жизни, наполненный переживаниями и видениями, которые привели к трагическим последствиям.

ISBN 978-5-00-503325-3

© Романовский А. В.
© Издательские решения

Почему я выпрыгнул в окно?

Антон Владимирович Романовский

© Антон Владимирович Романовский, 2019

ISBN 978-5-0050-3325-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Портвейн заканчивался. Надо купить еще. Роман пил уже несколько дней. Он был в отпуске и ему не нужно было на работу. Он скучал по ней, по милой девушке Юле, барменше в кинотеатре в котором она работала. Они были с ней коллегами. Продавали попкорн и напитки посетителям. Она была блондинкой необычайной красоты, с очень красивым лицом и фигурой. У неё был парень, что Романа сильно расстраивало, так как, по всей видимости он влюбился. Из-за своей скромности он не мог с ней сблизиться. Так – обменивался фразами, и глупо улыбался, когда она него смотрела.

Роман, лежал на кровати и обнимал подушку, представляя, как будто бы это была Юля. Он слушал песни с ноутбука и ему думалось что эти песни про него. Последнее время ему много всего думалось, например, иногда казалось, что он по мимике людей, понимает, о чем они думают. Он не предавал этому большого значения, но иногда ему становилось смешно или начинал злиться при общении. Из-за чего его считали странным.

Так, о чем мы? Ах да – портвейн. Самый дешевый, отвратительное пойло по сто рублей за бутылку. Роман пил его то ли из-за экономических соображений, то ли из-за какого-то мазохизма. На вкус он был приторно -сладкий, зато пьянил – хорошо. Надо сказать – он не был алкоголиком, по крайней мере он не считал себя таковым. У него уже бывали такие эксперименты с алкоголем. Он считал это неким ритуалом, экспериментом над собой. Даже «практикой». Роман был мистиком. Любителем Кастанеды и прочих эзотерических изысканий. Но оставим прошлое Романа и вернемся к настоящему.

Было около одиннадцати вечера. Роман проснулся, сел на кровать и допил остатки из бутылки. Его взгляд упал на пол, под стол. В краске были трещины. И вдруг из них появились тонкие линии похожие на волосы, они хаотично и быстро двигались, и в целом, выглядели пугающе. Но Роман не сильно испугался, он уже видел подобное. Откуда-то он знал, что это – вирус. Обычный вирус, просто каким-то образом увеличенный и, возможно, искаженный. Было ли это галлюцинацией? Ответ – да. Но тут кроется небольшая хитрость, галлюцинация это – что-то нереальное. Но для Романа этот «вирус» был вполне реален и вполне реально шевелился у него под столом. Роман спокойно смотрел на этот пучок и доедал чипсы. Они назывались «Русские». Роман подумал, что ест их очень по-русски и посмеялся собственной шутке. Про себя он отметил, что вполне возможно, что этот «вирус» присоединен к усикам таракана, которого он уже тоже когда-то наблюдал.

Галлюцинации для Романа не были чем-то обычным. Скорее – чем-то выдающимся, надо сказать, что за свою не столь долгую жизнь, он наблюдал достаточно много того, чего не увидел бы другой на его месте, но все это имело контекст, смысл. Поэтому Роман считал это мистическими переживаниями, даже, может быть – даром. Хотя если честно, он не особо задумывался над этим, как человек, который выйдя во двор – видит машину. Этот человек не задумывается, реальна ли она. Для него она реальна на все сто, так как он опирается на свои органы чувств и опыт, вопросов в реальности этого объекта просто не возникает. Было бы странно, если бы он подходил бы ко всем машинам во дворе, и стучал бы по ним кулаком, проверяя не испарится ли она. Так и «Вирус» на усиках у таракана, для Романа был реален. Даже триви-

ален. Потому что пару месяцев назад, такой же вирус, покусал руку какому-то арабу, который привиделся ему на балконе.

Как мы можем догадаться, Роману нужна была помощь врачей, но он упорно копил в себе все свои переживания, и ни с кем ими не делился, считая себя храбрым исследователем этого, прекрасного, непостижимого мира.

Явление под столом успешно сколлапсировало, и Роман пошел на кухню – курить. Его мысли медленно блуждали, он как будто застрял во времени и пространстве. Лампочка светила желтым светом. Часы на стене остановились – села батарейка. Ничего умного на ум не приходило. В общем-то Роман был простым потребителем, и к какому-то сложному анализу не был склонен, хотя «потреблял» он разное. Потребление и эзотерические взгляды вполне сочетались. Роман часто был наблюдателем, как в повседневной жизни, так и в своих «переживаниях». С ним просто происходили какие-то события, или явления, он давал им какое-то значение, делал выводы и слагал их в единую картину. Часто он наблюдал связь между какими-то событиями – хронологическую или смысловую. Все это вместе – имело вес, и было частью Романа. Зачастую галлюцинации, которых он уже успел прилично повидать в свои 24 года, имели смысловую предысторию, или сами по себе имели место в его широком мировоззрении. Эти галлюцинации случались сессионно и обычно были вызваны его злоупотреблением веществами или алкоголем. Но не спешите, записывать Романа в круг простых наркоманов-шизофреников! (хотя второе часто вытекает из первого). Он был «непростым» наркоманом-шизофреником. Широкий круг взглядов на человека и его природу, а так же, имеющиеся знания в области состояний измененного сознания, превращали его «нарушения» в осмысленные спектакли сознания, захватывающие своей глубиной, и палитрой эмоций. И шевелящиеся микробы в углу комнаты были чем то, что Роман рассматривал как некую диковину, особо не заслуживающую внимания.

Тут он услышал вопль «Уголка». Он вопил – «ААА! Моль!! Моль!». И в верхнем правом углу комнаты он осознал и представил какую-то тварь и деревянный коридор, в конце которого был человек по прозвищу Угол. Был такой экстремальный поэт, музыкант, известный в определенных кругах. Угол для него был особенным. Это был человек, который имел место в одном из самых тяжелых его обострений. Он был героем, который много чего сделал для победы в великой борьбе с непонятно кем. Лидером, и по всему – магом. Роман был ему очень признателен за многое и помог бы ему справиться с молью, если бы знал, как. А так как в голове ответа не было, картина сразу потеряла свой смысл и пропала. Заиграла музыка-хардкорный панк. Роман заметил, что это очень «квадратично» и опять улыбнулся собственной «удачной» шутке. Углу пришлось бороться с молью собственными силами, а Роман задумался «пересекались» ли они уже с Углом, или же время «шиворот на выворот» как иногда бывало. Это не давало ему покоя. Все закончилось дикими плясками в каких-то комнатах, уставленных диванами, где стены с этими клетчатými диванами передвигались, и в целом, все это выглядело довольно весело. Моль была побеждена, а ситуация несколько раз была подтверждена Углом и его бандой как весьма «квадратичной». Роману же все это показалось пошлым и не достойным по сравнению, с теми священными войнами за своё существование которые имели место быть.

Наш герой не был каких-то радикальных взглядов, но с детства нес в себе «зерно» сопротивления. Это выражалось в ранних стадиях, как просветительная инициатива, в частности таких сомнительных идей, как например, в книгах Кастанеды. Не то что бы он сам в них особо страстно верил, просто ему не нравилась шаблонность мышления «обычного» человека, стереотипность. Поэтому, в культурном плане, для среднестатистического человека он был «экстремистом». С возрастом, беседы с людьми, которые были готовы на диалог на философские и около научные темы, постепенно превращались в споры. Следующим этапом его взаимоотношений должны были стать открытые противостояния. Безусловно, на него влияла среда

и окружение. Потенциал молодого человека — мутировал, и он «ушел в подполье». Вообразив из себя некоторое «сопротивление». Что чему сопротивлялось ясно не было, но чувство «особенности» — появилось. А так же, порой даже не прикрытое — человеконенавистничество.

Как и любой человек Роман хотел являть себя миру «Чем-то», как художник — картинами, а гопник — барсеткой и четками. Тяжело принимать мысль, что мы просто костно-мышечные машины, конгломерат атомов. Так или иначе, в большей или меньшей степени, мы заполняем собой этот мир. И проявляется это по-разному, и нет каких-то «правильных» путей или «неправильных». Поскольку это лишь способ, который можно выразить и обосновать даже математически или графически, а что еще важнее — понять. Понять, что «человек» — это множество людей, и разнообразие взглядов и структур личностей — логично и обоснованно.

Бычок сигареты вдруг начал «щипить» палец. Рука дрогнула и пепел упал на стол.

Роман отправился в свою комнату. Спать не хотелось. Музыка слушать не хотелось. В голову опять полезла Юля. Она была его последним и единственным увлечением, после Ирины — его студенческой любовью, которая стала для него чем-то вроде эталона. Но Юля была девушкой иного типа, с другой энергетикой, он не мог их сравнивать. В одну из последней смен она не явилась, чем сильно расстроила нашего героя. На работе пришлось собирать стойку для соков. Ее каркас состоял из металлических оранжевых стержней, похожих на свечи. Его мысли ушли далеко, о специфическом рае с бесчисленным количеством девушек в нем, которые будут предназначены для соития. Роман задумался — можно ли считать такой мир раем? С христианской точки зрения, он решил, что — нет. Тогда это может быть ад. Он раскрутил эту мысль, и она его одновременно и притягивала, и пугала. Стержни-свечи ему казались необходимыми для создания такого ада.

Работал Роман в кинотеатре не долго, как раз недавно получил первую зарплату, которую успешно начал пропивать. Пьяным на работу он не приходил, но после работы — выпивал, даже посреди недели. Что отразилось на его состоянии. Как-то раз в автобусе ему в руки «приплыли» ноги покойника, а на завтрашний день у одной из сотрудниц умер дедушка. Роман про себя в очередной раз отметил, что сверхъестественному — быть, хотя сколько было мусора в его голове — не счесть. Например, девушка в гробу со своим мертвым «кем-то», оказавшаяся там из-за неподнятой монетки в этом же автобусе. Хотя Роман настойчиво подавал ей мысленные команды поднять её. Или десяток увеличенных червей, сформировавших сетку метро и попирающих азиатскую семью. Вообще, состояние с каждым днем ухудшалось, образы накапливались, наслаивались и становились все мрачнее и мрачнее. Но Роман был оптимистом, и считал, что движется к чему-то, как минимум к раю или Вальгалле. Кстати, в один из тяжелых дней, что бы в голову не лезли другие — плохие мысли, он выдумал себе огромный танк, в котором предполагалось жить со своими друзьями детства, где каждый имел свою специфическую должность, в зависимости от особенностей характера. И вообще, его друзья часто играли роль в его мытарствах, и он их очень любил, хотя с некоторыми и испортил отношения. Но перспектива, провести вечность в компании друзей, после смерти, естественно, казалась ему вполне реальной. Так он, даже проходил пол дня, стреляя лазером по неудобным и меняя какие-то батареи. Но все эти мелочи, он воспринимал как баловство. Так оно и было, — просто фантазии. А вот настоящие переживания сопровождалось страданиями, весьма ощутимыми, как физическими (например, бессонница), так и моральными (какие-нибудь «фоновые» страдания себя или близких).

А на самом деле — где грань? Между фантазиями и сумасшествием? Если бы мы это спросили у Романа, возможно он бы даже, вероятно, задумался, и даже есть шанс что признал бы себя сумасшедшим. Но! Подумав еще, он бы себя убедил, что это все всего лишь логические построения, украшенные богатым воображением. А галлюцинации — просто сбои в аппаратной части организма. Это в худшем случае, а в лучшем — духовный путь, не доступный другим. И был бы в каком-то смысле — прав. То есть мы, не можем сказать, что какие-то мысли

нереальны, а какие-то – реальны, мы упираемся опять же в вопрос реальности. Если что-то выглядит, и ведет себя как курица (и внутри тоже как курица), то это -курица. Или нет? Тут возникает вопрос веры. Реально ли то, во что мы верим? Или мы верим в то, что реально? И вот мы пришли к вопросу о боге, из-за которого человечество пролило столько крови. Тут правильно будет остановиться, и простить бедному Роману его непонятную веру, даже пускай эта вера будет в то, что когда-то и где-то, он сбрил бровь американскому президенту.

Роман лежал на кровати, рядом шумел холодильник. Узоры на старых обоях складывались в странные фигуры. Пришло ощущение «неуместности» своего бытия. Какая-то одинокая женщина тоже переживала эту ночь, она тосковала по какому-то мужчине. Роман просто «понял» эту ситуацию, и так же понял, что он застрял в этой истории. Были подозрения что это происходило в прошлом. Время начало тянуться мучительно медленно, а атмосфера наполнилась тоской и неизбежностью. Эта женщина была в тупике, она застряла в «коридоре» своей жизни. У нее не осталось альтернатив и, похоже, ее ждала страшная участь «распасться», чего она боялась. Ее мужчина уже исчез, а Роман – был. Возникла неприятная ситуация, в которой Роману надо было что-то предпринимать. Потому что женщина уже старалась «просочиться» сквозь обои, она была сейчас еще в состоянии тоски, но следующим ее состоянием должна быть паника, перед лицом неизбежной судьбы. Роман пошел хитрым, малодушным путем. Ему не хотелось что-то делать, как-то переворачивать ситуацию, тем более это все уже произошло «когда-то», в прошлом. Эта уже закончившаяся история. И Роман стал претворяться мужчиной этой женщины. Изображать его, что он еще существует. Некрасиво. Пожалуй, так и есть, подлый выбор. Но переворачивать судьбы этих людей не хотелось, хоть это было и теоретически возможно. Они были пассивны в своей жизни, в духовном плане. Плыли по жизни и были заняты какими-то банальными, плотскими вопросами. И сейчас их настигла их закономерная участь. Настроение у Романа конечно упало, ибо он вынужден был быть свидетелем конца этой женщины. Он, конечно, хотел ей помочь. Но тут были замешаны какие-то глобальные, космические законы. Играя роль её мужчины, он дал ей чувство надежды, и это чувство дало ей силу. А дело спасения утопающих дело рук самих утопающих. И стало страшно. Не слишком, но образы пошли пугающие. Черно- белое лицо, выпученные глаза, длинные не расчесанные волосы, и желание вылезти из западни. У Романа сразу пропало чувство сочувствия и жалости, ему стало плевать на ситуацию, а дело приобрело опасный аромат, который Романа осветил. Он не любил тоскливые, тягучие, даже можно сказать, никчемные, сопливые ситуации. Его очаровывали идеи схватки, борьбы. Эта история, для него, закончилась. Он ощутил чувство свободы действий, он перестал быть заложником ситуации. Перед ним опять был открытый, невероятный, удивительный и непостижимый мир с огромным выбором способов быть. в квартире стало приятно темно, свет горел только на кухне и освещал ровно и четко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.